

Теория и практика общественного развития. 2022. № 7. С. 67–71.
Theory and Practice of Social Development. 2022. No. 7. P. 67–71.

Научная статья
УДК 316.422.44
<https://doi.org/10.24158/tipor.2022.7.8>

Социальные риски внедрения технологий искусственного интеллекта

Анастасия Сергеевна Вантяева

Высшая школа современных социальных наук (факультет)
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
vant-anastasia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1539-3025>

Аннотация. Конец XX – начало XXI вв. характеризуется увеличением масштабов применения новых технологий во всех сферах жизнедеятельности человека. Наступает следующая эпоха глобальных перемен, которая приходится на начало второго десятилетия XXI в., когда ученые начали говорить о четвертой научно-технической революции, в рамках которой происходит все более активное внедрение технологий искусственного интеллекта, робототехники и машинного обучения. Это открывает множество возможностей, однако имеются и потенциальные риски и опасности: рост социального неравенства, неправильное распределение экономических благ, трансформация рынка труда, угроза безопасности и др. Поэтому очень важно контролировать процесс внедрения новых технологий для обеспечения безопасности общества. Цель данной статьи – описать теории риска как зарубежных, так и отечественных социологов, а также выделить основные социальные риски и опасности внедрения технологий искусственного интеллекта.

Ключевые слова: социальные риски, социальные последствия, технократизация, искусственный интеллект (ИИ), новые технологии, технологизация общественных сфер

Для цитирования: Вантяева А.С. Социальные риски внедрения технологий искусственного интеллекта // Теория и практика общественного развития. 2022. № 7. С. 67–71. <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.7.8>.

Original article

Social Risks of Introducing Artificial Intelligence Technologies

Anastasia S. Vantyaeva

Higher School of Modern Social Sciences (Department), Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia, vant-anastasia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1539-3025>

Abstract. The late XXth and early XXIst centuries are characterized by an increase in the use of new technologies in all spheres of human activity. The next era of global change is coming at the beginning of the second decade of the XXI century, when scientists have begun to speak of a fourth scientific and technological revolution, with increasing adoption of artificial intelligence, robotics and machine learning technologies. New technologies open up a large number of opportunities, but at the same time they are fraught with a lot of potential risks and dangers: the growth of social inequality, misallocation of economic benefits, labor market transformation, security risks, etc. Therefore, it is very important to monitor the process of introducing new technologies to ensure the safety of society. The aim of this article is to describe the risk theories of both foreign and domestic sociologists, as well as to highlight the main social risks and dangers of introducing artificial intelligence technologies.

Keywords: social risks, social consequences, technocratization, artificial intelligence (AI), new technologies, technologization of public spheres

For citation: Vantyaeva, A.S. (2022) Social Risks of Introducing Artificial Intelligence Technologies. *Theory and Practice of Social Development*. (7), 67–71. Available from: [doi:10.24158/tipor.2022.7.8](https://doi.org/10.24158/tipor.2022.7.8) (In Russian).

Введение. Современное общество подвержено рискам. Причем риски, как и общество, в процессе развития динамично меняются. В связи с этим категория «риск» находится в фокусе внимания многих ученых и активно изучается и описывается в социальных науках.

Считается, что термин «риск» появился в Италии в XVII в., а после активно вошел в обиход во Франции и Англии. Термин в большей мере связывали с экономической и коммерческой деятельностью и определяли как «предрасположенность к вознаграждению или готовность к неудаче» (Иванникова, 2007). С годами интерес к данному термину усиливался и в XVIII в. уже стал активно использоваться в науке.

В 60-е годы XX в. понятие риска стало уже объектом исследования как технических, так и гуманитарных наук, причем данная его дефиниция нередко стала изучаться в контексте междисциплинарных исследований. Однако в рамках данной статьи мы хотели бы проанализировать именно социологический подход к изучению рисков.

Основная часть. Социологическая теория изучает риск как социальное явление, анализирует современные глобальные риски, влияние риска на трансформацию социальной структуры, а также пути оптимизации последствий этого феномена. Наиболее глубоко проблематика риска стала изучаться в эпоху рефлексивного модерна, поскольку современное общество постоянно производит неопределенности, на которые индивиды должны научиться правильно реагировать.

Среди западных ученых, анализом рисков в рамках рефлексивного модерна занимался английский социолог Энтони Гидденс. Он определял риск как «динамичную мобилизующую силу в обществе, стремящемся к переменам, желающем самостоятельно определять свое будущее и не оставлять его во власти религии, традиций и капризов природы» (Гидденс, 2004; с. 40). Э. Гидденс утверждал, что риски периода рефлексивного модерна кардинальным образом отличаются от рисков периода индустриальной модернизации. На это в значительной мере повлияли процессы глобализации и детрадиционализации, которые изменили работу общественных институтов. Это дало возможность людям стать свободнее от традиционных ограничений, больше влиять на собственную судьбу путем принятия тех или иных решений. Однако не стоит забывать, что все подобные решения могут порождать новые риски как преднамеренно, так и непреднамеренно. Ученый считал, что «история творится преднамеренной деятельностью, но не является преднамеренным проектом»¹.

Кроме того, Э. Гидденс считал, что в эпоху рефлексивного модерна совершается переход от господства внешних рисков к господству рукотворных, которые характеризуются большей неопределенностью. В одной из своих работ ученый писал: «По мере нарастания рукотворного риска, сам риск становится более рискованным... Мы просто не знаем, каков уровень риска, и зачастую узнаем это лишь тогда, когда уже слишком поздно» (Гидденс, 2004; с. 44–45). В связи с трансформацией культуры риска людям становится сложно строить какие-либо планы и прогнозы даже на ближайшее будущее. Оно становится неизведанным для них. Появляется необходимость в его освоении, чтобы установить человеческий контроль над возможными социальными рисками. Конечно, полное исчезновение рисков невозможно, но можно хотя бы оценить степень вероятности их появления.

Однако идею об усилении рискогенности общества в связи с модернизацией и глобализацией разделяют не все ученые. Немецкий социолог Никлас Луман считает, что такой подход не учитывает фундаментальные функциональные изменения современного общества. Структура общества постепенно эволюционировала, реагируя на новые элементы среды, и если раньше общество было социально стратифицировано, то теперь оно стратифицировано функционально. А новая система, в свою очередь, порождает новые риски.

Кроме того, Н. Луман уделял внимание изучению риска в различных сферах: политической, экономической, технической, а также анализировал организационные риски. По его мнению, это наиболее рискогенные сферы, в которых людям нужно быть особенно внимательными при принятии решений, так как последствия этих решений могут иметь колоссальное влияние как на отдельные группы, так и на общество в целом.

Следующей наиболее известной концепцией анализа риска является теория общества риска немецкого социолога и политического философа Ульриха Бека. Он считал, что модернизация размывает границы индустриального мира, порождая новый вид общества – «общество риска». Новому обществу свойственен неопределенность и нелинейность, а риски связаны не с поступками прошлого, а скорее с решениями настоящего и будущего.

Если исходить из общей исторической хронологии, то развитие рисков проходило в три этапа. Первый этап – традиционное и раннее индустриальное общество. В тот период имели место преимущественно риски двух видов: личностные и внешние (природные). Общей характеристикой этих рисков была неисчисляемость, и трактовались они скорее как решения судьбы.

Второй этап – индустриальный модерн, для которого характерны риски двух видов: риски принятия опасных практик индустриализации» (например, на работе) и риски развития промышленности, но «недостаточной обеспеченности гигиеническими технологиями» (например, различные испарения, яды и т. п.). Эти риски уже можно было калькулировать и пытаться контролировать, а также выявлять причину риска. Третий этап – общество рефлексивного модерна с новым усложненным типом риска, который является продуктом модернизации, передовых технологий и носит глобальный характер.

Описывая общество риска, У. Бек говорил о влиянии рисков на современное общество. По его мнению, риски влияют на социальную дифференциацию людей, усиливая неравенство как между людьми, так и между странами. Они распределяются по классовой системе, поэтому

¹ Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас: учебное пособие / сост. А.В. Леденева. Новосибирск, 1995. С. 62

в большей степени им подвержены малоимущие граждане и менее развитые страны. Развитые страны могут даже получать выгоды от этих рисков. Но может сработать эффект бумеранга. И тогда богатые тоже попадут в зону риска. Например, часто вредные предприятия размещаются в наименее развитых странах, и потенциальные опасности, которые могут произойти, касаются в первую очередь населения этих стран. Однако эффект бумеранга развернет угрозу в сторону высокоразвитых стран.

Проблематика риска рассматривается также в рамках культурологического подхода, одним из представителей которого является британский антрополог и социолог Мери Дуглас. По ее мнению, риск нужно изучать в контексте культурологических особенностей, так как на восприятие риска особое влияние оказывают культурные установки и практики человека. Саму ситуацию риска М. Дуглас определяет как «пограничное состояние, в рамках которого человек оказывается под воздействием сил или опасностей, способных изменить его статус в обществе» (Дуглас, 2000).

Чувство вины за последствия риска, по мнению М. Дуглас, возникают из системы культурных верований, которые поддерживают общественный порядок. В иерархических обществах вина обычно возлагалась на маргиналов, представителей криминальной среды и т. п. В рыночно-индивидуалистских обществах – на тех, кто произвел математических просчет, либо на тех, кто препятствует эффективному функционированию экономики. А с развитием экологических движений вина за риск стала возлагаться на научные и технологические инновации.

Среди отечественных социологов изучением риска занимался О. Н. Яницкий. По мнению ученого, риск – это «побочный продукт человеческой деятельности; он регулярно и даже легитимно производится обществом и отдельными группами» (Яницкий, 2003; с. 3). По мнению ученого, в современном обществе любое производство сопровождается производством рисков, поэтому его можно считать «обществом риска».

Ученый также размышляет о важности формирования риск-солидарностей. О. Н. Яницкий выделяет несколько типов риск-солидарностей. Первый тип – это солидарность производителей риска, которая определяется как «общность людей, силовым образом приватизирующая национальные ресурсы и воспроизводственные структуры общества, включая социальный порядок, в своих эгоистических интересах» (Яницкий, 2003; с. 28). Подобный тип создается насилием и агрессией. Второй тип – это солидарность жертв риска, которые определяются как «общности людей, защищающих здоровье и безопасность природы и общества». Помимо этого, есть и другие социальные группы и общности: одни занимаются исключительно конструированием и воспроизводством риска (профессиональные воры, террористы и т. п.), другие – активно стараются приспособиться к рискогенной среде (перекупщики, посредники и т. п.), третьи – воспроизводят «мирные риски» (коррупционеры, спекулянты и т. п.), четвертые – те, кто отвечает на вызовы риск-производителей.

Сущностным качеством непосредственно российского общества является двузначность риск-солидарностей. То, что одни группы воспринимают как благо, для других является риском и бедствием. О. Н. Яницкий определял российское общество как «общество всеобщего риска», которым овладевает апатия. Индивиды просто привыкают к жизни в условиях неопределенности, опасности и рисков. В связи с этим в обществе происходит увеличение роли силовых структур, которые пытаются обезопасить жизнь граждан и государства. Однако с появлением новых глобальных рисков управлять ими становится все тяжелее.

Новые риски связаны в том числе с появлением новых технологий, в частности технологий искусственного интеллекта. В последние годы происходит активная технократизация общественных сфер жизнедеятельности, что несет ряд потенциальных угроз и рисков. Например риск дегуманизации, так как с появлением умных машин уменьшается значимость саморазвития человека. Возникает феномен иррациональной рациональности, который приводит к дегуманизации человеческого разума, что впоследствии может привести к угрозе человечеству как более слабому виду.

Помимо этого, трансформируется рынок труда, происходит развитие производительных сил, что, с одной стороны, стимулирует появление новых профессий, но с другой – может привести к исчезновению ряда имеющихся. Среди них бухгалтеры, юристы, копирайтеры, диспетчеры и другие профессии белых воротничков. Даже профессия таксиста во многих развитых странах может исчезнуть в ближайшие годы, ведь беспилотные автомобили активно тестируются уже во многих странах.

Кроме того, за счет технологической трансформации меняется в том числе и география социальной занятости. С появлением дистанционного формата работы стираются границы между региональным и глобальным рынком труда. Замедляется процесс миграции населения из сельской местности в городскую.

Вместе с этим стираются и государственные границы, поскольку с помощью технологий становится возможным удаленное вмешательство в события разных стран. Это может способствовать появлению нетократии – формы управления обществом, главной ценностью которой является информация, способная обеспечить власть над населением того или иного государства. Следовательно, управление людьми станет возможным посредством электронных сетей с использованием технологий искусственного интеллекта (ИИ).

Такие технологии могут также предоставлять угрозу для национальной безопасности государств. Одни страны обладают вооружением с более адаптивным и автономным искусственным интеллектом, в то время как другие могут не иметь подобных технологий вообще. Данный разрыв может стать причиной нового витка гонки вооружений, так как самые технологически продвинутые государства становятся самыми экономически успешными и начинают диктовать свои условия менее развитым странам.

Социокультурными аспектами и последствиями внедрения технологий на базе искусственного интеллекта занимался также В.И. Игнатъев. В своей статье «Социокультурные аспекты роботизации» автор размышляет о последствиях появления нового типа акторов – «техносубъектов» в структуре социума (Игнатъев, 2019). По мнению ученого, эволюция технических субъектов имеет два вектора развития: полное вытеснение человека из социума и появление «техносоциума»; совместное сосуществование биокibernетического вида Homo и техносубъекта в рамках гибридного социума. Человек может сохранить свой вид при использовании экзокортекса – системы обработки данных, позволяющей усилить интеллект человека. Кроме того, у человека есть ряд преимуществ перед технологиями, например способность создавать идеации, воображение, распознавание различных закономерностей, что повышает возможность мирного сосуществования человека и умных машин. Однако, по мнению трансгуманистов, для минимизации рисков человеку лучше слиться с суперинтеллектом, который будет встраиваться прямо в мозг и благодаря которому человек сможет оставаться главным видом социума.

Вопросом неопределенности в отношении использования технологий искусственного интеллекта занималась Е. Е. Хабирова. По мнению ученого, неопределенность вызвана новизной исследуемых объектов, их сложностью для сторонних наблюдателей и непредсказуемостью последствий. В одной из своих статей она приводит данные проведенного в 2016 г. опроса об отношении населения России к новым технологиям (Хабирова, 2021). В большей степени респонденты готовы использовать системы на основе ИИ в качестве помощников по дому, доставщиков и консультантов. В меньшей степени респонденты готовы разделить с интеллектуальными системами трудовую деятельность, а также принятие каких-либо решений.

Заключение. Из всего вышеперечисленного видно, какое количество опасений и вопросов вызывает появление и внедрение инновационных технологий. Однако, как нам кажется, большую часть рисков можно предотвратить. Конечно, вероятность опасности и неблагоприятных последствий будет всегда, но национальные концепции, стандарты, законы смогут их минимизировать. Правда создавать их нужно не только для общества в целом, но и для каждой общественной сферы отдельно, учитывая возможные особенности использования технологий в данной области.

Список источников:

- Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / пер. с англ. М., 2004. 120 с.
 Дуглас М. Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу. М., 2000. 288 с.
 Иванникова Е. Д. Социологическая интерпретация понятия «социальный риск» // Вестник ставропольского государственного университета. 2007. № 52. С. 191.
 Игнатъев В. И. И грядет «другой» актор... Становление техносубъекта в контексте движения к технологической сингулярности // Социология науки и технологий. 2019. Т. 10. № 1 (10). С. 64–78. 10.24411/2079-0910-2019-10005.
 Хабирова Е. Е. Неопределенность в отношении технологии искусственного интеллекта в российском обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2021. Т. 14. № 3. С. 262–275. 10.21638/spbu12.2021.305.
 Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. № 1. С. 3–35.

References:

- Douglas, M. (2000) *Chistota i opasnost': analiz predstavlenii ob oskverneniya i tabu* [Purity and Danger: Analysis of Perceptions of Desecration and Taboos]. Moscow, Kanon-Press-TS, 288 p. (in Russian)
 Giddens, E. (2004) *Uskol'zayushchiy mir: kak globalizatsiya menyayet nashu zhizn'* [The Elusive World: How Globalisation is Changing Our Lives]. Moscow, Ves' mir, 120 p. (in Russian)
 Ignatiev, V. I. (2019) And the "other" actor is coming... The formation of a techno subject in the context of the movement towards technological singularity. *Sociology of Science and Technology*, Vol. 10, 1, 64–78 Available from: doi: 10.24411/2079-0910-2019-10005. (in Russian)
 Ivannikova, E. D. (2007) Sociological interpretation of "social risk" notion. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 52, 191. (in Russian)

Khabirova, E. E. (2021) Uncertainty regarding artificial intelligence technology in Russian society. *Vestnik of saint petersburg university. Sociology*, Vol. 14, 3, 262–275. Available from: doi:10.21638/spbu12.2021.305. (in Russian)

Yanitsky, O.N. (2003) *Sotsiologiya riska: klyuchevyye idei* [Sociology of Risk: Key Approaches]. Mir Rossii, 1, 3–35. (in Russian).

Информация об авторе

А.С. Вантяева – аспирант Высшей школы современных социальных наук (факультет) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова Москва, Россия.

Information about the author

A.S. Vantyaeva – PhD Student, Higher School of Modern Social Sciences (Department), Lomonosov Moscow State University Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 07.06.2022;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 29.06.2022;

Принята к публикации / Accepted for publication 05.07.2022.